

Сирена — эпизод 2 из 2

Кулебяка должна быть аппетитная, бесстыдная, во всей своей наготе, чтоб соблазн был. Подмигнешь на нее глазом, отрежешь этакий кусище и пальцами над ней пошевелишь вот этак, от избытка чувств. Станешь ее есть, а с нее масло, как слезы, начинка жирная, сочная, с яйцами, с потрохами, с луком... Секретарь подкатил глаза и перекосил рот до самого уха. Почетный мировой крякнул и, вероятно, воображая себе кулебяку, пошевелил пальцами.

Это чёрт знает что... проворчал участковый, отходя к другому окну.

Два куска съел, а третий к щам приберег, продолжал секретарь вдохновенно.

Как только кончили с кулебякой, так сейчас же, чтоб аппетита не перебить, велите щи подавать... Щи должны быть горячие, огневые. Но лучше всего, благодетель мой, борщок из свеклы на хохлацкий манер, с ветчинкой и с сосисками. К нему подаются сметана и свежая петрушечка с укропцем.

Великолепно также рассольник из потрохов и молоденьких почеч, а ежели любите суп, то из супов наилучший, который засыпается кореньями и зелеными: морковкой, спаржей, цветной капустой и всякой тому подобной юриспруденцией.

Да, великолепная вещь... вздохнул председатель, отрывая глаза от бумаги, но тотчас же спохватился и простонал: Побойтесь вы бога! Этак я до вечера не напишу особого мнения! Четвертый лист порчу!

Не буду, не буду! Виноват-с! извинился секретарь и продолжал шёпотом: Как только скушали борщок или суп, сейчас же велите подавать рыбное, благодетель. Из рыб безгласных самая лучшая это жареный карась в сметане; только, чтобы он не пах тиной и имел тонкость, нужно продержать его живого в молоке целые сутки.

Хорошо также стерлядку кольчиком, сказал почетный мировой, закрывая глаза, но тотчас же, неожиданно для всех, он рванулся с места, сделал зверское лицо и заревел в сторону председателя: Петр Николаич, скоро ли вы? Не могу я больше ждать! Не могу!

Дайте мне кончить!

Ну, так я сам поеду! Чёрт с вами!

Толстяк махнул рукой, схватил шляпу и, не простившись, выбежал из комнаты. Секретарь вздохнул и, нагнувшись к уху товарища прокурора, продолжал вполголоса:

Хорош также судак или карпий с подливкой из помидоров и грибов. Но рыбой не насытишься, Степан Францыч; это еда несущественная, главное в обеде не рыба, не соусы, а жаркое. Вы какую птицу больше обожаете?

Товарищ прокурора сделал кислое лицо и сказал со вздохом:

К несчастью, я не могу вам сочувствовать: у меня катар желудка.

Полноте, сударь! Катар желудка доктора выдумали! Больше от вольнодумства да от гордости бывает эта болезнь. Вы не обращайтесь внимания. Положим, вам кушать не хочется или тошно, а вы не обращайтесь внимания и кушайте себе.

Ежели, положим, подадут к жаркому парочку дупелей, да ежели прибавить к этому куропаточку или парочку перепелочек жирненьких, то тут про всякий катар забудете, честное благородное слово. А жареная индейка? Белая, жирная, сочная этакая, знаете ли, вроде нимфы...

Да, вероятно, это вкусно, сказал прокурор, грустно улыбаясь. Индейку, пожалуй, я ел бы.

Господи, а утка? Если взять молодую утку, которая только что в первые морозы ледкухватила, да изжарить ее на противне вместе с картошкой, да чтоб картошка была мелко нарезана, да подрумянилась бы, да чтоб утиным жиром пропиталась, да чтоб...

Философ Милкин сделал зверское лицо и, по-видимому, хотел что-то сказать, но вдруг причмокнул губами, вероятно, вообразив жареную утку, и, не сказав ни слова, влекомый неведомою силой, схватил шляпу и выбежал вон.

Да, пожалуй, я поел бы и утки... вздохнул товарищ прокурора.

Председатель встал, прошелся и опять сел.

После жаркого человек становится сыт и впадает в сладостное затмение, продолжал секретарь. В это время и телу хорошо и на душе умирительно. Для услаждения можете выкушать рюмочки три запеканочки.

Председатель крикнул и перечеркнул лист.

Я шестой лист порчу, сказал он сердито. Это бессовестно!

Пишите, пишите, благодетель! зашептал секретарь. Я не буду! Я потихоньку.

Я вам по совести, Степан Францыч, продолжал он едва слышным шёпотом, домашняя самоделковая запеканочка лучше всякого шампанского. После первой же рюмки всю вашу душу охватывает обоняние, этаким мираж, и кажется вам, что вы не в кресле у себя дома, а где-нибудь в Австралии, на каком-нибудь мягчайшем страусе...

Ах, да поедемте, Петр Николаич! сказал прокурор, нетерпеливо дрыгнув ногой.

Да-с, продолжал секретарь. Во время запеканки хорошо сигарку выкурить и кольца пускать, и в это время в голову приходят такие мечтательные мысли, будто вы генералиссимус или женаты на первой красавице в мире, и будто эта красавица плавает целый день перед вашими окнами в таком бассейне с золотыми рыбками. Она плавает, а вы ей: Душенька, иди поцелуй меня!

Петр Николаич! простонал товарищ прокурора.

Да-с, продолжал секретарь. Покуривши, подбирайте полы халата и айда к постельке! Этак ложитесь на спинку, животиком вверх, и берите газетку в руки. Когда глаза слипаются и во всем теле дремота стоит, приятно читать про политику: там, глядишь, Австрия сплеховала, там Франция кому-нибудь не потрафила, там папа римский наперекор пошел читаешь, оно и приятно. Председатель вскочил, швырнул в сторону перо и обеими руками ухватился за шляпу. Товарищ прокурора, забывший о своем катаре и млевший от нетерпения, тоже вскочил.

Едемте! крикнул он.

Петр Николаич, а как же особое мнение? испугался секретарь. Когда же вы его, благодетель, напишете? Ведь вам в шесть часов в город ехать!

Председатель махнул рукой и бросился к двери. Товарищ прокурора тоже махнул рукой и, подхватив свой портфель, исчез вместе с председателем. Секретарь вздохнул, укоризненно поглядел им вслед и стал убирать бумаги.